

К.Д. Рыдченко,
кандидат юридических наук

В.С. Соловьев,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

LEGAL MEASURES AGAINST YOUTH EXTREMISM

В статье рассматриваются проблемы противодействия молодежному экстремизму. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного-правовых и административно-правовых норм об ответственности за экстремистские проявления.

In the article the problems of counteraction to young people extremism are considered. The proposals on improvement of criminal law and administrative law are formulated.

В современной России проблема распространения экстремизма, прежде всего национально-религиозного, выходит на первый план. События, произошедшие в районе Бирюлево-западное г. Москвы, г. Пугачёве Саратовской области, г. Кондопоге республики Карелия, селе Яндыки Астраханской области, и множество других подобных фактов свидетельствуют о том, что межнациональная рознь является преобладающим мотивом правонарушений, совершаемых на фоне массовых беспорядков. По различным оценкам, около 80% участников массовых беспорядков на почве экстремизма — молодежь, при этом около трети — несовершеннолетние [1]. Социологические исследования говорят о том, что 69% населения России считают присутствие мигрантов чрезмерным. Среди качеств, присущих мигрантам, респонденты наиболее часто называют незнание русского языка, трудности в коммуникации, низкую квалификацию при выполнении работы, неопрятный, отталкивающий внешний вид, навязывание, демонстрацию своей культуры и обычаев. Доля испытывающих раздражение по отношению к представителям других национальностей довольно высока — 68% [2]. Малую эффективность принимаемых в сфере противодействия экстремизму мер подтверждают и правоохранители. Так, лишь 15% опрошенных сотрудников территориальных органов внутренних дел оценивают работу по противодействию распространению сведений экстремистского характера как хорошую, вместе с тем 25% респондентов однозначно указывают на ее неудовлетворительную организацию [3].

Поскольку для распространения материалов экстремистского характера зачастую используются информационно-телекоммуникационные технологии, индикатором актуальности рассматриваемой проблемы может послужить мнение

пользователей социальных сетей. В социологических и криминологических исследованиях доказана эффективность и разработана методология опроса пользователей социальных сетей о различных криминальных явлениях [4].

В ходе опроса пользователям предлагалось ответить, встречали ли они лозунги, фотографии, видеоролики, группы и сообщества экстремистского содержания (унижающие, оскорбляющие или призывающие к насилию в отношении людей по мотивам социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности). В результате были получены следующие данные: 83,3% пользователей встречались с такими материалами, из них 28,6% встречают такие материалы часто, 44% — время от времени, 27,4% — в единичных случаях. Наибольшая интенсивность встреч с материалами экстремистского содержания зафиксирована среди несовершеннолетних респондентов (40% несовершеннолетних пользователей сталкиваются с такими материалами часто).

Криминологическими исследованиями установлено, что распространенными являются проявления экстремизма в форме имплицитной реакции коренного населения (постоянно проживающего на определенной местности) на интенсивную миграцию, на появление конкурирующей рабочей силы, демпингующей на рынке труда за счет более низких ожиданий оплаты труда. Фактически преступления экстремистской направленности представляют собой реакцию коренного населения на наличие в нем «неассоциированных членов». Согласно материалам судебной практики, сегментация общества происходит по наиболее очевидным признакам — внешности и языку, отличных от общераспространенных. Причины негативного отношения со стороны коренного населения России к мигрантам заключаются в том, что они не обладают минимальными

знаниями русского языка, не осведомлены о положениях законодательства и не соблюдают элементарные правила поведения [5].

Социологи признают, что в молодежной, особенно подростковой, среде деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, чем у взрослых, основаниям. Большое значение в этом имеют субкультурные факторы. Принадлежность к той или иной субкультуре сопровождается противостоянием культуре традиционной. «Чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие. Не важно, живут ли в другом дворе, приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность. Поэтому социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи [6]. Именно в силу этих причин распространение экстремистских настроений в молодежной среде существенно повышает общественную опасность этого явления и усугубляет социальные последствия.

Перечисленные криминологические особенности экстремистских проявлений в молодежной среде ставят перед государством задачу по разработке эффективных уголовно-правовых и административно-правовых мер противодействия этому негативному социальному явлению. К сожалению, существующие в настоящее время меры, направленные на недопущение распространения сведений экстремистского характера, не в полной мере отвечают социальным реалиям и не способны защитить общество от экстремизма. Не отличается эффективностью и механизм применения этих мер.

Причины подобного положения дел кроются, на наш взгляд, в правоустановительной сфере. Нечеткость определения таких категорий, как «сведения экстремистского характера» и «экстремизм», не позволяет выстроить стройную систему административной и уголовной ответственности, оставляя ее формирование на откуп политической конъюнктуры.

Показательна в этом аспекте деятельность Министерства юстиции Российской Федерации по формированию и ведению Федерального списка экстремистских материалов в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1313 [7]. На момент обращения к интернет-ресурсу, на котором размещен список, большинство включенных в список интернет-сайтов, признанных экстремистскими в соответствии с решением суда, были доступны к открытию: 2102 — www.al-hakk.com (решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 10.07.2013 г.); 2103 — www.kiwi.kz (решение Пятигорского городского суда Ставропольского

края от 10.07.2013 г.); 2106 — vdagestan.net (решение Кировского районного суда г. Астрахани от 01.08.2013 г.) и др. Доступны для скачивания аудиофайлы экстремистского содержания, размещенные по адресу poiskm.com/song/144310-Koreyskie-LEDchiki-Rossiia-dlya-churok и признанные экстремистскими в соответствии с решением Кромского районного суда Орловской области от 12.08.2013 г. Доступны к просмотру и видеоматериалы экстремистского содержания, размещенные в социальных сетях. Видеоматериал «Обращение муджахидов, участвующих в Джихаде в Афганистане 1432-2011!», размещенный в социальной сети «ВКонтакте» и признанный экстремистским в соответствии с решением Советского районного суда г. Краснодара от 17.06.2013 г., доступен как по адресу, указанному в приговоре (http://vkontakte.ru/video99783527_159760230), так и по другим адресам в социальной сети. То есть фактически сегодня федеральный список экстремистских материалов — это своего рода библиотека сведений экстремистского характера, доступных для ознакомления. Не вызывает сомнений, что в таком виде от исследуемого интернет-ресурса Министерства юстиции Российской Федерации исходит больше вреда, нежели пользы.

Еще одной проблемой правоприменения в рассматриваемой сфере является привлечение лиц к ответственности за совершение действий и распространение материалов, очень отдаленно напоминающих экстремистские. Примером могут послужить действия Георгиевского межрайонного прокурора Ставропольского края, вынесшего предупреждение в адрес главного редактора газеты «Георгиевская ТВ неделя» о недопустимости публикации сведений экстремистского характера. Поводом для вынесения предупреждения послужила публикация в газете рекламного объявления следующего содержания: «Сдам. Комната в ч/доме, в/у, въезд, русским, 1-2 чел., на длительный срок, с. Краснокумское, т. 4-86-71». Георгиевский межрайонный прокурор полагает, что авторы указанного объявления публично заявили о своем намерении предоставить жилье помещения по договору найма лицам только определенной национальности, отказывая в этом всем остальным, то есть стали осуществлять действия, способные в будущем привести к нарушению прав и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его национальной принадлежности. В результате данных действий создаются условия для фактической дискриминации граждан по национальному признаку в дальнейшем. Решением Георгиевского городского суда Ставропольского края предупреждение было признано незаконным [8]. Интересно было бы узнать позицию прокурора относительно наличия признаков экстремизма в объявлениях о знакомствах с лицами определен-

ного пола или возраста, о наборе для обучения в духовные семинарии или другие религиозные учебные заведения и т.д.

Приведенная ситуация стала возможной в силу крайней размытости и необъяснимой широты определения экстремистской деятельности (экстремизма), содержащегося в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Фактически любое высказывание, затрагивающее хотя бы одну из личностных характеристик человека (либо одну из характеристик социальной группы) как в отрицательном, так и в положительном контексте, может быть признано экстремистским. Более того, экстремистскими признаются и лозунги, не затрагивающие характеристик людей. Примером может послужить обвинительный приговор Головинского районного суда г. Москвы по ст. 282 УК РФ в отношении гражданина, разместившего в социальной сети лозунг «Свободу не дают — свободу берут» [9]. Анализируя приведенные выше прецеденты, можно прийти к выводу о том, что законодатель при конструировании запретительных норм (а именно такой характер носит большинство норм Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и Особенной части УК РФ) допускает возможность слишком широкой их трактовки.

Серьезные проблемы заложены уже в самих нормах уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности.

Во-первых, вопросы вызывает сама формулировка, используемая законодателем. В примечании 2 к ст. 282¹ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ. Верховный Суд, конкретизируя положения уголовного законодательства, в п. 2 Постановления Пленума от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» приводит в качестве примеров преступлений экстремистской направленности деяния, предусмотренные статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, пунктом «л» части 2 статьи 105, пунктом «е» части 2 статьи 111, пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ.

Более того, в п. 8 того же постановления указано, что преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, на-

циональности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. Однако преступления, предусмотренные статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, могут совершаться не только по «экстремистским» мотивам. Вполне возможно совершение этих преступлений с корыстным мотивом, например, в случаях, когда лицо за материальное вознаграждение участвует в экстремистском сообществе либо совершает действия, направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. В таких случаях закон делает невозможным отнесение преступлений, предусмотренных статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, к экстремистским.

Во-вторых, это бессистемность формирования квалифицирующих и криминообразующих признаков преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В ст. 213 УК РФ названный мотив преступления является криминообразующим признаком, еще в десяти составах — квалифицирующим (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ, ч. 2 ст. 119 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК).

Все остальные преступления, совершенные по «экстремистским» мотивам, влекут применение п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Не вполне ясна логика законодателя, сделавшего выбор «в пользу» перечисленных составов преступлений. Вполне возможно, например, доведение лица до самоубийства путем систематического унижения человеческого достоинства по мотиву национальной или религиозной ненависти или вражды. В таком случае в действиях виновного усматривается преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ с отягчающим обстоятельством, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. При этом максимальный срок наказания за совершенное преступление не должен превышать пяти лет лишения свободы. В то же время умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, квалифицируется по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ, в санкции которой в качестве максимального размера наказания предусмотрены все те же пять лет лишения свободы.

Также весьма нелогичным выплывает усиление уголовной ответственности за осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (ст. 214 УК РФ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ), совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, при одновременном игнорировании возможности уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) по тем же мотивам.

Возможны два пути выхода из сложившейся ситуации. Первый — конкретизация перечня преступлений экстремистской направленности, то есть определение закрытого перечня общественно опасных деяний, ответственность за которые необходимо усиливать в связи с совершением по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, и исключение из УК РФ п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Второй — исключение из всех составов криминообразующих и квалифицирующих признаков, связанных с совершением деяний по «экстремистским» мотивами и использование только отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Сравнивая ст.ст. 148 и 282 УК РФ, можно увидеть, что ст. 282 предусматривает ответственность за унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, в то время как ст. 148 устанавливает преступность и наказуемость унижения достоинства человека либо группы лиц только по признаку отношения к религии. Таким образом, ст. 148 УК РФ является по отношению к ст. 282 УК РФ специальной нормой. Ч. 3 ст. 17 УК РФ указывает на то, что, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Таким образом, при конкуренции ст. 148 УК РФ и ст. 282 УК РФ должна применяться первая. Сравним санкции двух исследуемых норм: санкция ч. 1 ст. 148 УК РФ в качестве максимального наказания предусматривает лишение свободы на срок до одного года, в то время как санкция ч. 1 ст. 282 УК РФ — лишение свободы на срок до двух лет. Таким образом, принятие Федерального закона от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в

целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [10] фактически смягчило ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях унижения чести и достоинства лиц, придерживающихся определенных религиозных убеждений.

Аналогичные вопросы вызывает разграничение рассмотренных преступлений и преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, то есть хулиганства, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В уголовно-правовых исследованиях религиозная ненависть определяется как стойкое отрицательное чувство, испытываемое к определенным группам [11], внутреннее осознанное побуждение, выражающее сильную неприязнь к лицам, исповедующим иную религию, не исповедующим никакой религии [12]. Стойкие отрицательные чувства или неприязнь к лицам по признаку отношения к религии вполне возможно выражать в виде оскорбления. В то же время публичное унижение чести и достоинства лиц, придерживающихся определенных религиозных убеждений, не может не нарушать общественный порядок и не выражать явное неуважение к обществу, отсюда вполне допустима квалификация такого деяния по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

В настоящее время ст. 148 УК РФ предусмотрена ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Ст. 5.61 КоАП РФ определяет оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Таким образом, виновный в совершении преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, должен совершить публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях унижения чести и достоинства верующих, то есть лиц, придерживающихся определенных религиозных убеждений. В то же время ст. 282 УК РФ устанавливает ответственность за совершение действий, направленных на унижение достоинства человека по признаку отношения к религии. Очевидно, что деяние подпадает одновременно под действие двух норм УК РФ.

Не отличается совершенством и административно-деликтное законодательство, обеспечивающее запрет экстремистских действий, в том числе оборот информации экстремистского характера. С определенной долей условности административные правонарушения в рассматриваемой сфере можно разделить на две группы:

1) правонарушения, объективная сторона состава которых заключается в осуществлении действий экстремистского характера;

2) правонарушения, реализация объективной стороны составов которых потенциально может повлечь распространение информации экстремистского характера или способствует распространению таковой.

К первой группе следует отнести правонарушения, предусмотренные следующими статьями КоАП РФ: статьей 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях»; статьей 5.62 «Дискриминация»; статьей 13.11.1 «Распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера»; статьей 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики»; статьей 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов».

Ко второй — правонарушения, предусмотренные следующими нормами КоАП РФ: статьей 5.8 «Нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях»; статьей 5.12 «Изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах», частью 2 статьи 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации»; статьей 13.21 «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации»; статьей 17.10 «Незаконные действия по отношению к государственным символам РФ»; статьей 20.28 «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности».

Изучение содержания составов этих административных правонарушений указывает на определенный дисбаланс правовой защиты, при которой охране права на свободу совести и свободу вероисповедания уделяется приоритетное внимание. Вместе с тем статья 19 Конституции России декларирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Логично предположить, что по общему правилу дискриминационные проявления на основе указанных социальных критериев должны иметь симметричную правовую защиту, однако это не

так. В частности, статья 5.26 КоАП РФ и статья 148 УК РФ обеспечивают правовую защиту от экстремистских проявлений религиозного характера. Сложившееся положение вещей, на наш взгляд, обусловлено чрезвычайной политизированностью процесса деликтного нормотворчества, исходящего не из интересов формирования сбалансированной системы законодательства, а из необходимости урегулировать единичный прецедент, вызвавший широкий общественный резонанс. Данные негативные тенденции следует преодолеть.

Во-первых, внесенные Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» дополнения следует признать недостаточно проработанными. Действуя в режиме исполнения общественно-политического заказа, законодатель не обратил внимания на тот факт, что дополнение статьи 148 УК РФ частями 1 и 2, предусматривающими ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, de-facto является пересмотром общественной опасности административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях». В результате часть 2 данной статьи, предусматривающая ответственность за оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики, вообще не может быть применена в связи с доминантой уголовного законодательства над административным. Следует устранить выявленную коллизию, исключив из статьи 5.26 КоАП РФ часть 2 и дополнив диспозицию части 1 статьи фразой «, если такое деяние не влечет уголовной ответственности».

Во-вторых, считаем возможным провести градацию дискриминационных действий в рассматриваемой сфере на основе способа распространения информации об экстремистской деятельности. Вряд ли так называемый «панк-молебен» группы «Pussy Riot» вызвал бы столь широкий резонанс, если бы его фрагменты не транслировались средствами массовой информации и коммуникации. Взяв за основу юридико-лексическую форму диспозиции статьи 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», нами предлагается разграничить «простое публичное действие» и «публичное действие с использованием средств массовой информации и коммуникации». Во втором случае состав административного правонарушения или преступления экстремистского

характера должен быть квалифицированным и предусматривать более суровое наказание.

В-третьих, для более эффективной профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде следует установить механизм раннего выявления и пресечения соответствующих правонарушений. В частности, статьи 280 и 282 УК РФ в качестве обязательного признака предусматривают публичность распространения экстремистской информации, что позволяет расширить административно-правовую сферу защиты, распространив ее на случаи персонального возбуждения ненависти либо вражды по какому-либо социальному признаку, а также случаи непубличных призывов к осуществлению экстремистской деятельности.

В-четвертых, как и преступления, многие административные правонарушения могут быть совершены по дискриминационным мотивам. Однако часть 1 статьи 4.3 КоАП РФ не относит такой мотив к обстоятельствам, отягчающими административную ответственность. Используя аналогию права, считаем необходимым дополнить часть 1 статьи 4.3 КоАП РФ пунктом 7 в следующей редакции «7) совершение административного правонарушения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать существенные проблемы при установлении и реализации правовых мер противодействия экстремизму. Предложенные нами дополнения и поправки законодательных актов не претендуют на всеобъемлющий охват проблемы административно-правовой и уголовно-правовой борьбы с дискриминацией, имея целью оперативную корректировку базовых составов правонарушений. Их реализация, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде, однако для выработки стратегии осуществления этой деятельности необходима масштабная правовая ревизия действующих норм КоАП РФ и УК РФ, использование единого терминологического аппарата и единого объектового охвата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с организацией экстремистского сообщества // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — №1. — С. 27 — 35.
2. Отношение к мигрантам: исследование Левада-Центра [Электронный ресурс]. — URL:

<http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam> (дата обращения: 11.07.13).

3. Рыдченко К.Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2011. — С. 288.

4. Соловьев В.С. Отношение пользователей социальных сетей к проблеме коммерческих сексуальных услуг // Социологические исследования. — 2012. — №9. — С. 113—115.

5. Халлиулина Л.И. Экстремизм. Обзор судебной практики за последние годы [Электронный ресурс]. — URL: <http://rospravosudie.com/society/extremizm> (дата обращения: 1.10.2013).

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. — 2008. — №5. — С. 37—46.

7. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. — URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials?search=&page=10> (дата обращения: 1.10.2013).

8. Решение по делу №2-112/2012 // Архив Георгиевского городского суда Ставропольского края за 2012 год.

9. Официальный Интернет-сайт Прокуратуры г. Москвы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mosproc.ru> (дата обращения: 1.10.2013).

10. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федер. закон от 29 июня 2013 г. №136-ФЗ // Рос. газета. — 2013. — 2 июля.

11. Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 27 с.

12. Миникаева А.Ф. Религиозная ненависть или вражда как мотив совершения преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2005. — 24 с.

REFERENCES

1. Merkurev V.V., Agapov P.V. Kriminologicheskaya harakteristika prestupnosti, svyazannoy s organizatsiey ekstremistskogo soobshchestva // Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2013. — №1. — S. 27 — 35.
2. Otnoshenie k migrantam: issledovanie Levada-Tsentra [Elektronnyiy resurs]. — URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam> (data obrascheniya: 11.07.13).
3. Ryidchenko K.D. Administrativno-pravovoe obespechenie informatsionno-psihologicheskoy bezopasnosti organami vnutrennih del Rossiyskoy

Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk. — Voronezh, 2011. — S. 288.

4. Solovev V.S. Otnoshenie polzovateley sotsialnykh setey k probleme kommercheskikh seksualnykh uslug // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2012. — №9. — S. 113—115.

5. Halliulina L.I. Ekstremizm. Obzor su-debnoy praktiki za poslednie godyi [Elektronnyy resurs]. — URL: <http://rospravosudie.com/society/extremizm> (data obrascheniya: 1.10.2013).

6. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyy ekstremizm: suschnost i osobennosti proyavleniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. — 2008. — №5. — S. 37—46.

7. Federalnyy spisok ekstremistskikh materialov [Elektronnyy resurs]. — URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials?search=&page=10> (data obrascheniya: 1.10.2013).

8. Reshenie po delu №2-112/2012 // Arhiv Georgievskogo gorodskogo suda Stavropolskogo kraya za 2012 god.

9. Ofitsialnyy Internet-sayt Prokuraturyi g. Moskvy [Elektronnyy resurs]. — URL: <http://www.mosproc.ru> (data obrascheniya: 1.10.2013).

10. O vnesenii izmeneniy v statyu 148 Ugolovnogo kodeksa RF i otdelnyie zakonodatelnyie aktyi RF v tselyah protivodeystviya oskorbleniyu religioznykh ubezhdeniy i chuvstv grazhdan: Feder. zakon ot 29 iyunya 2013 g. №136-FZ // Ros. gazeta. — 2013. — 2 iyulya.

11. Kunashev A.A. Motivy nenavisti ili vrazhdyi v ugolovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2011. — 27 s.

12. Minekaeva A.F. Religioznaya nenavist ili vrazhda kak motiv soversheniya prestupleniya: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskyy aspektiy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Kazan, 2005. — 24 s.